
Лена, 4.57, 27 января

4.57. До встречи оставалось три минуты. На маленьком экране смарт-часов горели только цифры, новых сообщений не появилось. Лена выглянула в окошко автомобиля, пытаясь разглядеть вдали свет фар, но на пустынной дороге было все так же темно. Полная луна лишь слегка освещала заснеженный январский пейзаж. На фоне черного неба она напоминала маску из старой телевизионной заставки, вселявшей страх в детей девяностых.

Лена быстро отогнала от себя тревожные мысли. Чтобы не тратить время впустую, она достала из сумочки тушь и начала красить ресницы, глядя в зеркало заднего вида. Фары были погашены, горел лишь верхний свет. Желтые отблески меняли привычные оттенки, и ее большие серые глаза в отражении казались зелеными. Память подхватила и вынесла на поверхность давно забытые слова. Лена напела про себя: «У беды глаза зеленые». Вспомнились посиделки во дворе, мальчишки... Вот ей три-

надцать, она обнимает гитариста, который уже пару лет как окончил школу. На мгновение захотелось вернуться в прошлое, но это чувство сразу ушло. Нет, сейчас у нее все хорошо, намного лучше, чем было. Ее планы скоро осуществятся, она победит.

Как всегда.

Лена убрала тушь и вновь посмотрела в окно. «Мимо не проедет», — подумала она. Ее машина была единственным маячком света на обочине пустынной дороги, припорошенной снегом, а до рассвета еще далеко. Хотя день уже и начал прибавляться, но приезжать на утреннее дежурство засветло получится еще не скоро.

Через полчаса ей нужно быть на работе. Желтые огоньки вывески гипермаркета немецкой сети «Егпа» сияли вдали. Но сначала Лене предстоял непростой разговор. Не нужно быть гением, чтобы понять: человек, которого она ждала, не просто так выбрал такое время и место встречи. Магазин находился на окраине города, а от него к загородному шоссе шла узкая дорога, вдоль которой в несколько рядов были посажены березки.

На обочине этой дороги Лена и припарковала свою черную «Хонду». Сразу за посадкой, в полутора километрах от «Эрны», светился редкими огоньками новый микрорайон Южный, который начали активно застраивать два года назад на месте пустующих полей. Шанс встретить здесь зимой в пять

утра в воскресенье не то что пешеходов, а даже проезжающие мимо машины был равен нулю.

Причина столь срочной встречи была ей неизвестна. Лена открыла Ватсап на телефоне и хотела уже написать сообщение: «Где ты?», когда увидела вдали свет фар. Пока машина подъезжала, Лена еще раз взглянула на себя в зеркало и поправила черные волосы, небрежно рассыпавшиеся по плечам. Результат ее удовлетворил.

Природа не наградила ее ослепительной красотой. Невысокая полноватая школьница с темно-русыми волосами и круглым личиком, которой она была когда-то, могла так навсегда и остаться серой мышкой, но Лену это не устраивало. Она очень рано разобралась в том, что нужно, чтобы понравиться сначала ребятам в школе, а потом и серьезным мужчинам, которые, разменяв четвертый десяток, оставались все теми же мальчишками. Уже в старших классах у нее не было отбоя от поклонников. И дело не только в том, что она рано научилась краситься, сменила цвет волос на насыщенно-черный, сидела на диетах и занималась спортом. Красота преходяща, а вот ум, умение предугадывать желания и дарить мужчинам то, что они хотят, останутся с ней навсегда. Недаром к своим двадцати восьми годам она сделала такую успешную карьеру.

Вот и сегодня надо было всего лишь правильно понять, что от нее хотят, и дать это. В крайнем случае, если ее секреты действительно стали известны,

дополнить разговор тем, что понравится любому мужчине. Опять вспомнилась юность: минет в машине она уже давно не делала. Придется освежить и такие навыки. Но игра стоила свеч. Потерять его сейчас никак нельзя, иначе все ее прежние усилия пропадут даром.

Машина — та самая, которую она и ожидала увидеть, — остановилась рядом, в нескольких метрах. Лена взяла с заднего сиденья коротенькую норковую шубку и открыла дверцу. Холодный воздух обжег ее. Прогноз ночью обещал минус десять. Накинув шубку на плечи, она направилась к другой машине. Фары уже погасли, но тут же все вокруг озарилось светом от фонарика на телефоне — настолько ярким, бьющим в глаза, что человека, державшего его источник в руках, невозможно было разглядеть.

— Привет! Что за срочность? — с улыбкой спросила Лена. Она сделала несколько шагов навстречу и протянула руки, чтобы обнять человека, которого ждала столько времени на пустой зимней дороге. За светом фонарика она уловила движение его руки, видимо, он тоже хотел ее обнять. Пальцы Лены скользнули по зимней куртке. В этот момент его рука резко дернулась вверх, и Лена почувствовала укол в шею. Она инстинктивно отдернула руку, и ее ладонь нащупала шприц. Иголка уже вонзилась в ее тело, а чужие пальцы в перчатке давили на поршень, пытаясь ввести ей содержимое.

— Что... — Лена не успела договорить. Она попыталась выдернуть иглу, отвести руку, делавшую ей больно, но вместо этого почувствовала, что падает. Человек в темноте резко толкнул ее и всем весом прижал к мерзлой земле, не отпуская шприц. Лена больно ударилась затылком. В тот же момент она почувствовала, что нападающий зажал ей рот и нос рукой в перчатке, мешая дышать. Лена судорожно хватала воздух и всеми силами пыталась столкнуть его с себя. С трудом, но ей это удалось.

Едва успев подняться, Лена выдернула шприц. Человек уже не пытался ее остановить, и она поняла почему — цилиндр был пуст. Лена попыталась добраться до машины, но голова резко закружилась.

— Нет! — закричала она в отчаянии. Ноги уже не слушались, и теперь она сама упала в снег, но холода не почувствовала. Никаких ощущений больше не было: ни звука, ни света, ни боли. Все закончилось.

Максим, 9.38

*«Елена Архипова
был(-а) сегодня в 4.59»*

Так написано на зеленом фоне Ватсапа.

Максим допивал кофе в столовой и уже пару минут смотрел на экран телефона. Просто смотрел на открытый чат: на фото в профиле большеглазая брюнетка с лучезарной улыбкой прижимала к груди букет роз. Еще пару недель назад, оставшись с утра в одиночестве, он бы написал: «Как там моя красавица? Проснулась?» Почти как у Пушкина. «Мороз и солнце, день чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный, — пора, красавица, проснись» и так далее.

«Зимнее утро» — кажется, так называется это стихотворение. Максим наконец погасил экран смартфона и посмотрел в окно, за которым открывался пейзаж, достойный стать иллюстрацией к сочинению поэта. Снег искрился под солнечными лучами, дети катались на ватрушках со склона, все вокруг светилось безмятежностью и будто кричало,

как в детстве: «Ура! Каникулы!» — хотя на самом деле новогодние праздники уже закончились, а на календаре было двадцать седьмое января.

Жена уговорила Максима выбратся с семьей за город. Цены на домики на базах отдыха уже мирно спустились на землю после новогоднего взлета, погода радовала, и он даже смог взять выходной в воскресенье, хотя в его обычном графике оно было рабочим днем.

Этим утром Максим проснулся поздно, когда жена с детьми уже уходили на завтрак. Он с трудом заставил себя выбратся из постели, борясь с сонливостью, и отправился вслед за ними, но все же не успел и появился в столовой (язык не поворачивался назвать рестораном это простенькое помещение), когда они уже собирались обратно. Пришлось завтракать в одиночестве. И вот сейчас он сидел за столиком с чашкой кофе, страдая от головной боли. Ощущения были будто с похмелья, хотя он и не пил вчера. Что это? Старость? Ведь ему всего тридцать восемь. Или уже?

Максим был среднего роста. Обычно он выглядел на свой возраст, хотя иной раз казалось, что и старше — в его черных волосах уже отчетливо виднелась седина, а морщины в последнее время стали более заметными. Зато за прошедший год с помощью спортзала ему удалось похудеть почти на пятнадцать килограмм, и сейчас его фигура вновь приоб-

рела спортивные черты, хотя до идеала не помешало бы сбросить еще десяток.

Вот Пушкин (беда, никак не идет из головы!) до таких лет не дожил, но его знает весь мир. А что Максим оставит в память о себе? Захотелось вернуться в детство. Мороз и солнце... Каникулы, можно прокатиться с горки на «ватрушке», сделанной из старой автомобильной шины. Но в памяти всплыла другая картина: он стоит в классе и читает наизусть «Зимнее утро» — хорошо читает, не сделав ни одной ошибки, но учительница все равно ставит четыре. Она говорит: «Ты прочитал «Пора, красавица, прось» так, будто Маяковский призывает народ подняться и идти на баррикады, а не как обращение к нежно любимой девушке». Ему обидно, но он молча садится за свою парту, ненавидя и учительницу, и Пушкина. Сколько лет назад это было? Дочка недавно учила, а она в шестом классе. Значит, тогда ему исполнилось двенадцать. Вычесть из тридцати восьми... Двадцать шесть лет прошло. У Максима всегда было хорошо с математикой.

Допив кофе, он вышел на улицу. По обеим сторонам дороги стояли небольшие деревянные домики, украшенные разноцветными гирляндами, вечером превращавшими импровизированную улицу в декорации рождественской сказки. Хотя изначально Максим был против этой поездки и уступил только чтобы порадовать жену, вчера он провел прекрасный день вместе со своей семьей. Погода была от-

личная, кормили в «ресторане» на удивление вкусно, даже на снегоходе удалось прокатиться. Максим окончательно уверил себя в том, что принял правильное решение. Сейчас в одном из деревянных домиков его ждали самые близкие люди: жена Настя, двенадцатилетняя дочь Вика и отцовская гордость — двухлетний Артемка.

Он шел по улице, наслаждаясь спокойствием и свежим воздухом, но, подойдя к порогу коттеджа, снова достал телефон, открыл Ватсап и выбрал нужный контакт. Программа ничего нового не показала. Спрятав телефон, Максим открыл дверь.

Домик представлял собой обычный сруб с бревенчатыми стенами, украшенными тонкими канатами. За маленькой прихожей находились гостиная с диваном, на котором спала Вика, и небольшая спальня, где на эти две ночи разместились Максим с женой и сынишкой. Настя уже переоделась и играла с детьми. Щеки ее с мороза были покрыты легким румянцем. Картина напоминала семейную идиллию из примитивного женского сериала, но сегодня Максиму это нравилось. Да, Насте далеко не двадцать, а тридцать семь, и ее фигура уже не выглядела такой подтянутой и стройной, как раньше. Она была чуть полновата, а ростом всего на пару сантиметров ниже Максима. Свои светло-каштановые волосы, когда-то длинные, сейчас она подстригала до плеч и собирала в аккуратный хвост. Но ее большие зеленые глаза

все так же светились теплом и заботой, как и много лет назад.

Когда он впервые увидел ее на студенческой вечеринке, то сразу понял, что эта девушка будет его. С тех пор прошло уже шестнадцать лет. Остались позади скитания по съемным комнатам в Москве, жизнь с новорожденной малышкой в маленькой однушке с вечно орущими соседями, поиск денег на первый взнос за ипотеку в собственной квартире и, наконец, появление долгожданного сына...

Сейчас Артемка висел на Вике. Они бесились, а замученная мама пыталась их успокоить. Гены распорядились по-своему: круглолицая Вика очень похожа на отца, лишь волосы у нее мамины, светлые, а вот Артемка — просто Настина копия. Высокий для своих двух лет, зеленоглазый и очень нетерпливый. Жутко активная Вика всегда подшучивала над ним, но по-доброму. В их семье все очень любили друг друга. «Они — главное, что есть в моей жизни», — в очередной раз подумал Максим, стоя в дверях.

— Ну-ка, и кто тут балуется без меня? — Быстро сняв верхнюю одежду, он присоединился к игре.

Вика и Артем на секунду замерли и кинулись на него, синхронно проорав:

— Па-а-апа!

Настя отошла от детей и немного выдохнула, с любовью глядя на свою семью.

— Выспался? — спросила она у мужа, когда он наконец выбрался из клубка маленьких ручек и ножек. — Ты поздно встал сегодня.

— Да, что-то никак не мог подняться. Наши разбойники поспать не дали? — Максим кивнул в сторону детей. — Выглядишь немного уставшей.

— Да нет, они как раз хорошо спали. А вот меня бессонница с вечера замучила. Потом еще и проснулась под утро, а тебя не было в постели, — добавила она. — Причем я не сразу заснула, а ты все не приходил. Живот прихватило?

Максим сделал удивленное лицо и посмотрел на нее.

— Нет, я всю ночь спал, не помню, чтобы вставал. Тебе, наверное, самой приснилось.

— Да вроде нет, — Настя с сомнением посмотрела на мужа, но потом улыбнулась: — Хотя может быть. Неважно.

Она почти никогда с ним не спорила.

Из коридора донесся звук телефонного звонка. Максим отошел от жены и взял в руки мобильник. На экране высветилась надпись: «Михаил директор».

Звонки в выходные дни были привычным делом. Должность заместителя директора крупнейшего в городе мебельного гипермаркета не позволяла расслабиться и отвлечься ни в конце недели, ни в честно заработанном отпуске.

— Да, — произнес он в трубку.